

УДК 94(574)

РАССКАЗ О ДОМБАУЫЛЕ ИЗ ПЛЕМЕНИ КИЯТ (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИФА)

Жамбыл Омарович Артыкбаев

доктор исторических наук, профессор

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика
Казахстан

E-mail: socantropology@mail.ru

А н н о т а ц и я

Устные источники являются важнейшим источником изучения истории казахского народа и предшествовавших ему и других народов Великого степного пояса. К устным источникам можно отнести эпические поэмы, исторические легенды и предания, рапсодии, пословицы и поговорки, другие жанры устного народного фольклора. В них представлены обширные сведения об истории казахского и других степных народов, содержатся оценки того или иного события, их участников. В статье сделана попытка проанализировать и интерпретировать мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген.

К л ю ч е в ы е с л о в а

устное творчество, мифические сюжеты, тюрко-монгольские народы, Домбауыл-мерген, Кият, Чингис-хан.

UDC 94(574)

A STORY ABOUT DOMBAUYL FROM THE KIYAT TRIBE (EXPERIENCE OF THE INTERPRETATION OF MYTH)

Jambyl O. Artykbayev

Dr. Sc. (History), Professor

L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

E-mail: socantropology@mail.ru

Annotation

Oral sources are the most important source of study of the history of the Kazakh people and those that preceded them and other peoples of the Great Steppe Belt. Oral sources include epic poems, historical legends and legends, rhapsody, proverbs and sayings, other genres of oral folklore. They provide extensive information about the history of Kazakh and other steppe peoples, contain assessments of a certain event, their participants. The article attempts to analyze and interpret the myth-historical texts of the oral tradition of Kazakhs and other peoples of Central Asia, where the central figure is Dombauyl-mergen.

Keywords

Oral creativity, mythical subjects, Turkic-Mongolian peoples, Dombauyl-mergen, Kiyat, Genghis Khan.

ВВЕДЕНИЕ

Устные источники занимают важное место в широком контексте источников по истории казахского народа. В них содержатся колоссальные сведения по истории, быту и культуре казахов и предшествовавших ему народов Великого степного пояса (Артыкбаев, 2017). Эти знания как особая форма литературного творчества и одновременно как суммарная историческая память в большей части передавались из поколения в поколение в устной форме. Общие контуры устного творчества включают в себя как целые циклы исторических преданий и легенд, так и широко популярные эпические поэмы, толгау (рапсодии), пословицы и поговорки, другие жанры народного фольклора, а иногда и какие-либо точные оценки тех или иных исторических событий или деяний их участников. К сожалению, указанный комплекс национальных источников и по сей день не стал объектом изучения со стороны специалистов по истории народов Центральной Азии. Стало традицией, что филологи изучают художественные достоинства устной литературы тюрко-монгольских народов, в то время как само содержание этой литературы как первоклассного исторического источника, остается вне поля зрения исследователей. В настоящей статье мы, в какой-то степени восполняя данный пробел, попытаемся проанализировать и интерпретировать мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген, который стал объектом и предметом проведенного нами исследования. Необходимость анализа и интерпретация памятников устного народного творчества с этим легендарным героем определили актуальность настоящей статьи, ее цели и задачи, а сам текст явился незаменимым материалом при реконструкции исторического прошлого казахского и других степных народов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для данной статьи материалом исследования стали мифо-исторические тексты устной традиции казахов и других народов Центральной Азии, где центральной фигурой служит Домбауыл-мерген. Мы опирались в своей статье на работы выдающегося востоковеда и этнографа Ч.Ч. Валиханова, первым среди ориенталистов начавшего теоретические исследования устной традиции казахов, считавшего, что «Главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письменности, были и будут полубаснословные их легенды и отрывки из летописей цивилизованных народов, с которыми они сталкивались. Особенно это справедливо в отношении наших кочевников Средней Азии» (Валиханов, 1985: 7–82). Обширный имеющийся историко-фольклорный материал казахов, собранный и систематизированный в конце XIX-начале XX века плеядой талантливых историков, послужил хорошей основой наших изысканий. Нами использовались также издания различных материалов, исследующие казахскую шежиру (генеалогия), вышедшие в разное время в Казахстане. При работе над статьей автор опирался на методику историко-типологических, сравнительно-типологических исследований и структурно-типологических исследований, разработанных в трудах выдающихся ученых – В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, Б.Н. Путилова и др.

ОБСУЖДЕНИЕ

К сожалению, в историографии нет каких-либо специальных трудов, посвященных Домбауыл-мергену, также отмечаемого и в исторических источниках славного рода киятов. Впервые имя Домбауыла в российской исследовательской практике упоминается Г.Н. Потаниным в его известной книге «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе». Сравнивая основоположника Франкского государства Карла Великого с Чингисханом, он обращается к мифу о Домбауыле: «два брата Донду-гуль и Тохту-гуль изловили ящик. Женщина досталась Тохту-гулу, он сделал ее женой. Она родила сначала Шингиса, потом от Тохту-гула еще трех сыновей...» (2005: 131). В сборнике Г.Н. Потанина по казахскому фольклору есть мифы типа «Дүйін-Баян-Шыңғыс хан, нәсілің нұрдан жаралған» (Дуюн-Баян-Чингис хан, потомство рожденное от луча солнца), входящие в цикл рассказов о Чингисхане, записанные им от брата Чокана Валиханова Махмуда и от Каркаралинского султана Ханходжи, но исследователь не ставил вопрос о происхождении Домбауыла (Дуюн-Баян), так же отсутствуют какие-либо соображения насчет той эпохи, в которой происходили эти исторические события. Хотя, на наш взгляд, исторические привязки к этим мифологическим текстам имеются. С одной стороны, поскольку рассказы о Домбауыл-мергене всегда сопряжены с мифологическими сюжетами, изучать историческую подоплеку их довольно сложная задача. Даже академик А.Х. Маргулан, который ввел в научный оборот мифологические рассказы о Домбауыле, не оставил нам каких-либо предположений об исторических основах мифа, о времени жизни героя. Только в статье «Қорқыт туралы қазақтың қария сөздері» (Казахские исторические сказания о Коркут) он высказал мнение, что Домбауыл был современником Деде Коркута, то есть был склонен связывать его со средневековьем. Его отношение к хронологии мифов о Домбауыле, возможно, исходит от хронологии культового сооружения Домбауыл в Центральном Казахстане, которое он датировал VII–VIII вв. (1985: 140).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать факт неизученности этой темы в историографии. Как видно из вышесказанного, тема изредка поднималась, но говорить о полноценной постановке вопроса еще рано. Эта сложная ситуация безусловно сказывается на истории изучения династии Кият, родоначальником которой является легендарный Домбауыл. По этой причине мы вначале изложим свое видение истории Кият, а затем продолжим эту тему уже в привязке с Домбауылом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Начиная наше исследование, мы сделаем краткий обзор источников о Домбауыл мергене. Основная часть данных по Домбауылу находится в устных повествованиях, в особенности, в мифических сюжетах, исходя из чего мы можем предположить, что он является героем древнейшей, то есть дописьменной эпохи. Одним из косвенных доказательств раннего происхождения служит поливариантность его имени в образцах устной традиции (Домрул, Добун-Баян, Дүйін-Баян, Добу мерген, Токтауыл и т.д.).

С повествования о Домбауыле начинается «Сокровенное сказание монголов», и мы считаем, что оно является первой письменной фиксацией тюрко-монгольского устного текста: «Однажды Дува-Сокор с младшим братом Добун-Мерканом взошли на Бурхан-калдун. Когда Дува-Сокор смотрел с вершины Буркан-калдун, он увидел, что к Тункелик-ручью приближается какое-то племя, и говорит: «Вон среди приближающегося племени на передке крытой телеги сидит одна прекрасная дева. Если она не выдана замуж, то мы ее для тебя, мой младший брат Добун-Меркан, посватаем!» – затем он послал братишку Добун-Меркана посмотреть ее. Когда Добун-Меркан достиг племени, действительно, это была прекрасная дева из славного рода, звалась Алан-Коа и еще не была просватана» (Сокровенное сказание, 1990: 8; Монғолдын кўпия шежіресі, 1979: 5).

В дальнейшем красавица Алан-гоа (Алан-қуа – в казахском варианте) выходит замуж за Добун-мергена и рождает от него двух сыновей – Бугунтая и Белгунтая. По истечении некоторого времени Добун-мерген умер. После чего Алан-гоа родила еще троих сыновей – Буха-Хатаги, Букату-салджи и Боданшар-мунхага. Безусловно, в таких случаях возикают вопросы типа «откуда они?», на что Алан-гоа неизменно отвечала «Судя по приметам, они сыновья Неба. Зачем их приравниваете к черноголовым людям? Когда они станут ханами над всеми, тогда чернь поймет!».

Впоследствии потомки Добун-мергена и Алан-гоа в монгольской устной традиции, а также у соседних народов стали называться «*кият*». В доказательство этому мы можем привести следующий текст из этой же книги. Когда исполнилось Темуджину девять лет, его отец Есугей-бахадур, чтобы засватать за него невесту, вместе с ним отправился к олхонутам. По дороге они встретили Дай-сечена (на казахском – шешен, то есть красноречивый, умный) из племени коньрат. Поздоровавшись, пообщались, и Дай-сечен заговорил о вещем сне, который снился ему прошлой ночью. Во сне на руку вождя коньратов опустился белый кречет, сжимая солнце и луну.

«Что за сон?» – вопрошал Дай-сечен, – «оказывается вы духом Киятовского рода предвещали свое прибытие».

Рашид-ад-дин, когда писал историю Чингисхана, также немалое место отводит сказанию о Домбауыле и Алан-гоа. Родоначальника киятов Домбауыла он в своей книге, со слов своих информаторов, называет Добун-Баяном.

В тексте казахского варианта мифа о Домбауыле, записанного в свое время основоположником российской тюркологии В.В.Радловым и выдающимся казахским историком М.Ж. Копеевым, говорится о происхождении рода Кият: «Был некогда хан по имени Алтынбел, у которого был единственный сын по имени Кайшылы хан. Кроме него не было у хана других детей. Случилось однажды так, что ханша забеременела, и когда пришло время, родила она девочку. Была девочка столь красивой, что, увидев свое дитя, ханша упала в обморок, ибо глаза ее были подобны Солнцу, а рот был подобен Луне. Сообщили хану о рождении дочери, а хан повелел, чтобы пригласили шаманов и прорицателей, которые сказали, что когда исполнится ей 15 лет, она родит мальчика, то ли от луча солнца, то ли от дуновения ветра. Хан велел, чтобы ее спрятали и не показывали ни одной душе. Жена хана позвала к себе некую старуху, заплатила ей 100 дильда за один год и высказала ей повеление хана.

Старуха кормила ребенка, закрыв ее в темном железном доме. Выросла девочка и спросила у старухи: - Куда ты ходишь? Старуха ответила: - Хожу я, детка, на белый свет. На том свете живут твои мать и отец, и многие другие.

- Покажи мне тот белый свет, я об этом никому не скажу, - сказала девочка. А старуха ей в ответ: - Ладно, дитя мое, покажу я тебе свет белый, если ты об этом никому не расскажешь. Вывела она ее наружу. Увидела девушка белый свет, впала в негу и потеряла сознание. И в тот день, когда девушка вышла на белый свет, пал на нее взор божий, и по воле бога она забеременела. Вскоре старуха это заметила и опечалилась, опасаясь за свою жизнь. Решила она рассказать об этом ханше, ибо посчитала она невиновной себя в том, что произошло. Пришла она к ханше и говорит: - Дочь ваша забеременела, хотя ни одна душа ее не видела, никому я ее не показывала, поскольку была я честна и предана. А ханша спрашивает: - Что ты кроме этого еще делала? - Не стану я скрывать произошедшего, вся моя вина в том, что однажды вывела я вашу дочь на свет белый, и было это всего один раз. С того, что она единственный раз вышла наружу, стала она беременной от луча света, - ответила старуха. - Ну, если ничего дурного ты не сделала, - говорит ханша, - скажу я сама об этом хану. Подошла к хану и сообщила о произошедшем случае. А хан распорядился, чтобы убили эту девушку. Ханша отговаривала хана, сказав, что если убьет он свою дочь, прослышет он в народе дурным именем. Тогда сказал хан, чтобы увели ее с глаз долой. Ханша не пожелала смерти своей дочери и сделала следующим образом: взяла она золотой сундук, положила в него дочку с вещами и пропитанием, закрыла сундук на замок, а ключи привязала к сундуку и сбросила его в реку. А реку звали - Длиннотекущий Иртыш. По этой реке кочевал народ Калмак. На берегу реки охотились двое - Домбауыл-мерген (в монгольских сказаниях Добу мерген - Ж.А.) и Шаба-соқыр туркмен (Дуа-соқыр или Добу-соқыр, т.е. циклоп - Ж.А.), заметили они вдруг тот золотой сундук, плывущий по реке. Шаба-соқыр туркмен, который видел на сорок верст, слышал от двадцати, говорит: - Слушай, друг мой, плывет что-то яркое по реке. На что Домбауыл-мерген сказал: - Даст бог, получим мы его на руки. Чтобы нам потом не ссориться, давай заранее определимся, что пожелаешь взять-то, что снаружи или то, что внутри? Шаба-соқыр говорит: - Возьму я то, что снаружи! Домбауыл-мерген говорит: - А я возьму содержимое! Будь, что будет, зависит это от моего везения. Затем обвязали они стрелу шелковой веревкой, выстрелил Домбауыл-мерген и попал прямо в сундук, что плыл по реке. Перед тем, как выстрелить, Домбауыл-мерген спросил, как стрелять: прямо или косо? А он Шаба-соқыр говорит: - Қия ат, (то есть стреляй косо), если вдруг внутри сундука живое существо от прямого попадания стрелы может умереть!....От этого слова «Қия ат», потомки его, которые размножились, стали отдельным родом и называются Кият...» (Ел қазынасы, 1994: 45-53; Көпейұлы, 2013: 16-24).

Нет сомнения, что Добун-мерген из монгольской устной традиции соответствует популярному герою казахских сказаний Домбауыл-батыру. Товарищ Добун-мергена Дува (Дуа)-соқыр, в других вариантах этой легенды Дуа-қожа, Шаба-соқыр, имел один глаз на лбу, но видел за сорок верст. Данный герой типологически схож со знаменитым по самым древним мифическим сказаниям народов Евразии Төбе-көз, то есть Циклопом. Это свидетельствует о том, что известные среди евразийских народов общие мифические сюжеты и исторические материалы

были освежены в эпоху Чингисхана и использованы для возведения сакрального образа великого кагана. В «Сокровенном сказании монголов» показаны все генеалогические колена, начиная от Борте-Чино до Домбауыла, тогда как в казахских мифах история киятов начинается с Домбауыла. Рождение Чингисхана и отношение к этому событию Домбауыл (Добун)-мергена и Дува (Дуа, Шаба)-соқыра почти одинаково описаны, как в «Сокровенном сказании монголов», так и в казахских исторических преданиях.

По мнению казахского академика А.Х. Маргулана, Домрул из цикла рассказов о древних огузских племенах – один из вариантов легендарных образов вышеописанного Домбауыла. В «Книге Деде Коркут» Домбауыл назван в качестве «сына Дока-ходжа Дели Домрул». Он – герой, вызывающий на поединок самого Азраила, ангела смерти: «Однажды у моста, построенного Домрулом, остановился на ночевку небольшой аул. И в эту ночь один из хороших юношей этого аула по велению Бога умер от болезни, которая давно его преследовала. Одни со словами «сын мой», другие со словами «брат мой» начали причитать. И так случилось, что шум и плач из этого аула дошли до Домрула. Прискакавший на этот шум, он спросил у жителей аула: – Ей, люди, почему плачете? Что за крики и шум у моего моста? – Один из наших хороших джигитов умер, поэтому и плачем, – ответили с толпы. Тогда Дели Домрул спросил еще: – Кто же убил этого джигита? – Бек джигит. Был приказ от Бога (Алла тағала), Азраил с красными крыльями прибыл и забрал его душу. Тогда Дели Домрул заявил: Ей, Азраил, который забирает души людей, кто он вообще, и что за человек? Покажите его мне, выйду с ним на единоборство, на противоборство, на войну, верну душу этого хорошего джигита, остановлю его и спасу души других хороших джигитов» (Қорқыт ата, 1999: 164–165).

В тексте говорится, что Создатель обиделся на такой вызов и отправил Азраила, чтобы забрать душу такого смельчака Домрула, кто он такой, чтобы перечить Повелителю? Когда Домрул увидел Азраила, то бросился на него, схватив свою черную саблю, чтобы вернуть душу молодого парня. Азраил превратился в голубя и вылетел через окно, вслед за ним, взяв своего сокола, и со словами «дам заклевать твои мозги моему соколу», Домрул погнался за ним. Конечно же, в конце концов, прибывший по велению Бога Азраил побеждает Домрула, садится ему на грудь и собирается уже отобрать его душу, но в этот момент Создатель (в тексте – Тангри) вступился за него. «Этот озорник осознал, что я един и признал моего повелительства. Пусть Дели Домрул вместо своей души отдаст другую душу, его же душа пусть будет свободной», – сказал Повелитель. После чего в эпосе идет череда интересных этюдов, о том, как Домрул, прося спасения, пришел к своему отцу, затем к своей матери, как они отказали ему и не хотели пожертвовать ради него своими душами, и, наконец, жена его была готова уступить свою душу.

А.Х.Маргулан, интерпретируя текст «Книги Деде Коркута», пишет: «Великолепный образ Домрула из поэмы Коркута казахи в таком же прекрасном виде сохранили в рассказах о Домбауыле» (1985: 141). Мы принимаем отождествление академиком этих двух героев – огузского Домрула и казахского Домбауыла. Более того, нам представляется, что яркий образ Домбауыл-мергена в казахской устной традиции берет свое начало еще с протоогузской, или же ариано-туранских времен.

Вспомним, что в нескольких параллельных тюрко-монгольских вариантах легенды о Домбуыле упоминается имя Кият. Как и рассказы о Домбуыле, так и о Кият сохранились в основном в устной традиции тюрко-монгольских народов. Эти материалы впервые попали на страницы историографии благодаря Рашид-ад-дину, а затем эта тема была продолжена известным историком Абулгазы. У последнего Кият восходит к мифическому периоду истории, то есть к временам татарского хана Суюунуша, и монгольского правителя Ел-хана. По словам Абулгазы, «Ел-хан и Суюуныш-хан правили в одно время, и между ними было много вражды и войн» (Әбілғазы, 1993: 26). В одном из них Суюуныш-хан, собрав правителей соседних владений, напал на народ Ел-хана: «старших вырезал, младших пленил». От этой бойни выжили только два молодых джигита, сын Ел-хана по имени Киян и сын младшего брата хана Нукус. Они со своими женами остались в живых и нашли убежище в горах Ергене конг. Следовательно, их потомки и стали называться киятами, как пишет Абулгазы-хан: «Народ, произошедший от этого Кияна, впоследствии стал называться «кият». Значение слова киян – горная лавина, быстро и мощно текущая вниз. Сын Ел-хана действительно был быстрым и сильным человеком. Поэтому его стали называть Киян. Кият в множественном числе от киян» (Әбілғазы, 1993: 28).

В современном казахском языке «киян» означает дальние земли, бескрайняя степь, места, куда не ступала нога человека. Возможно, в древности кияном назывались и горные сели, как отмечает Абулгазы, но у нас нет доказательств для подобного утверждения. И Рашид-ад-дин, и Абулгазы-бахадур-хан в своих исторических повествованиях выводят от этого Кията его потомство, и в особенности Чингисхана, и в дальнейшем уже описывают политику, походы, потомство великого кагана.

Остановимся более подробно на параллели Кият//Хион. В древнеарийской поэме «Аяткар Зареран» местом обитания народа тур (туран) указан Хион (каз. киян, англ. xionites, авест. x'iiаона; пехл. хуōн/һуōн; согд. хwn). На наш взгляд, регион, о котором идет речь, с исторической точки зрения соответствует Великой степи, о чем свидетельствуют сохранившиеся в казахском языке понятия «киян», «киян дала». Во многих сочинениях Востока хионов связывали с белыми гуннами и называли «эфталитами». Например, иранский историк Мехрдад Бахар считал, что под эфталитами следует принимать хионов Авесты (Әбілғазы, 1993: 89). Х.Г. Короглы, посвятивший свои исследования глубокому анализу текста «Шахнамэ», полагал, что хотя туранцы и иранцы были изначально родственными народами, но говорили они на разных языках (1983). Как бы то ни было, в восточных источниках хионская проблема начинается со времен господства в евразийской степи арья (ариан) мен тур (туран) и находит свое продолжение в истории гуннов /хунну, хион, эфталиты/.

Можно ли говорить, что Кият – прототюркская династия? И.С. Брагинский относительно происхождения народа Тур/Туран пишет: «В иранской мифологии (Тур – Ж.А.) родоначальник туранцев, сын Иимы (здесь речь идет о царе Жамшиде, широко известного в Восточных легендах – Ж.А.)» и делает следующее уточнение: «в «Шахнаме» он сын Феридуна, когда Феридун делит свое царство между сыновьями, то Туру достаются Чин и Туран...» (Мифологический словарь, 1991). В данном случае текст «Авесты» и материалы устной традиции, использованные Фердоуси, указывают на общее происхождение народов ариан и туран.

Хионская тема встречается также в широко известных легендах о великом воителе, правителе страны туров Афрасиябе, внуке Тура, и о его наследнике Арджаспе. В поэме «Шахнаме» Арджасп – младший брат Афрасияба, их отец – Пашанг (Бушанг), его же отцом является Тур. В «Шахнаме» и в некоторых ранних текстах «Авесты» встречается имя Гаржасп, но в сильно мифологизированном варианте /например, вперемежку с рассказом о Зоках аждаха и т.д./. Мы полагаем, что уточнение И.С.Брагинским в энциклопедическом справочнике про имя Арджаспа имеет для нашей темы прямое значение: «Арджасп (фарси), Арджаспа (авест.) в иранской мифологии вождь туранских кочевых племен, по более поздним сказаниям («Шахнаме» – Ж.А.) – хионитов (эфталитов), выступающий воинственным противником веры Заратуштры (зороастризма)» (Мифологический словарь, 1991: 196). Если перевести имя «Авестийского» Арджаспа на современный, примерно получается «обладатель дорогих лошадей». Он во главе войск хионов воюет с царями и богатырями Ирана. Эти войны между Арианом и Тураном «Шахнаме» объясняет прежде всего разногласиями в сфере религии. Арджасп требует от иранского царя Виштаспы отказаться от зороастризма: «Слышал я, что повелитель Ту непрочную религию От Ормазда принял...» (Бертельс, 1960).

Однако, как выясняется позже, основные причины разногласия лежат в плоскости экономических и социальных отношений между ними, арианцы отказываются платить дань туранцам. Именно за это агитирует Зороастр: Наши цари с древних времен Не платили тюркам никакой дани, Ты тоже следуй этому сегодня (Мифологический словарь, 1991: 143).

Вместе с тем Фердоуси, будучи представителем арианского народа, в некоторых местах «Шахнамэ» дает очень лестную оценку Арджаспу: Арджасп, полководец отважных, Мудрый всадник во всем мире. В том царском письме написал Доброе благословение письмом ябгу.

Вероятно, здесь под видом «письмо ябгу» надо принимать руническую письменность саков, которых мы отождествляем с протоогузами. Иранские источники применяют название хион /хиюн/ по отношению к своим северным соседям на протяжении нескольких периодов истории; можно дальше развить это на материалах – гуннов, хун-ну, хона, кият и т.д. Проблема интерпретации текстов устной традиции имеет свои нерешенные вопросы, однако для понимания тех исторических процессов, которые совершались тысячелетия назад, обращение к устной традиции, где сохранились небольшие, но точные отголоски тех событий и личностей, имеет очень важное значение. Весьма интересной представляется версия о том, что Чингисхан происходит от Домбауыла. Происхождение великого кагана связано с одной из ветвей киятов, которая в источниках известна как «борджигин-киятовская». Знали ли сами кияты времен Чингисхана какие-либо реальные ориентиры места обитания их первопредка Домбауыла? Казахский историк З. Қинаятұлы в своей монографии «Қазақ мемлекеті және Жошы хан» /Казахское государство и Джучи хан/ пишет о том, что объявить Борте о смерти ее старшего сына Джучи не осмеливался никто, даже сам великий каган. В результате посовещавшись, они нашли такой выход. Чингисхан попросил Елюй Чу Цая написать специальный указ о смерти Джучи-хана. В этом тексте были следующие слова «...(до меня дошла весть) что мой сын Жошы хан отправился на тот свет в одном из возвышенностей Кипчакской степи. Это место находится у берегов моря Марал (Арал?), где когда-то обитали

наши дальние предки Борте чино и Гао марал. Жошы в соответствии с своим именем по велению Тенгри оказался гостем для наших борджигинов, и вот он сейчас отправился обратно к своему Тенгри...» (Қинаятулы, 2004: 157).

Этот рассказ также содержится в популярной книге японского писателя Иноуэ Ясаши «Көкжал» (Шыңғыс хан туралы) /Волк-вожак (о Чингис хане)/. Он считал, что в ярлыке (постановление) речь идет о землях, расположенных у Каспийского моря (Ясаши, 1992: 216.). На наш взгляд, рассказ о прибытии основателей правящей династии монголов Борте Чино и Гао Марал с Запада не вызывает каких-либо острых дискуссий в монгольской историографии. Все эти рассказы в той или иной мере основываются на «Сокровенном сказании монголов», где говорится: «Предком Чингис-хана был Борте-Чино, рожденный по велению Высшего Неба (Тенгри-Ж.А.). Супругой его Коай-Марал (Гао-Марал-Ж.А.). Они прибыли из за моря. Когда они кочевали у истока реки Онан, вблизи от Буркан-калдуна, у них родился сын по имени Бата-Чикан. Сыном Бата-Чикана был Тамача. Сыном Тамачи был Коричар-Меркан (Мерген, то есть меткий стрелок – Ж.А.). Сыном Коричар-Меркана был Ауджан-Бороул. Сыном Ауджан-Бороула был Сали-Качау. Сыном Сали-Качау был Еке-Нидун. Сыном Еке-Нидун был Син-Сочи. Сыном Син-Сочи был Карчу. Сыном Карчу был Борджикидай-Меркан, имевший жену Монголджин-Коа. Сыном Борджикидай-Меркана был Тороколджин-Байан, имевший жену Борокчин-Коа, и слугу Боролдай-Суялби, двух белых коней Даир и Боро. Сыновьями Тороколджина были Дува-Сокор и Добун-Меркан».

В этом месте сюжеты «Сокровенного сказания монголов» уже развиваются в том русле, в котором они сохранились в устной традиции казахов, что заметно по вышеприведенным мифам о Домбауыле.

При интерпретации мифов о Домбауыле, где имеется минимум реальных ориентиров и фактов, нельзя игнорировать встречающиеся в тексте топонимические названия. Одним из таких важных топонимов является «ұзын аққан Ертіс», то есть Длиннотекущий Иртыш. Эта великая река Центральной Азии является одним из важных географических ориентиров в восточной историографии. Примеров предостаточно, например, Рашид-ад-дин, описывая разлады в отношениях между Чингисханом и Джучи, пишет о том, что в обиде на отца и на братьев Джучи отправился со своим обозом к берегам Иртыша. В самом деле Джучи остановился в местности Улытау, в самом центре Великой степи. От Улытау до Иртыша порядочное расстояние, но в средневековой исторической и географической литературе, как известно, координаты исходят от основных рек и водоразделов.

В легенде далее говорится о том, что «в долине этой кочевой жизнью жил народ, которого называли калмак». В устной традиции казахов обычно этим словом «калмак» условно называются народы, не принявшие ислам, само же название «калмак» также объясняется тем, что они при принятии религии отстали. Нас в этой легендарной истории больше всего интересуют основные герои древнего времени, встречающиеся в различных вариантах этого мифа «мерген по имени Домбауыл, и его помощник (караульный) туркмен по имени Шабасоқыр». В данном случае «туркмен» – на наш взгляд, прямое указание на то, что Шаба-соқыр по происхождению принадлежит к протоогузам, то есть в легенде указывается родство к турам, а затем сакам.

Имеющиеся в тексте фрагменты о сакральном происхождении Чингисхана сопряжены с отдельными генеалогическими сведениями. Говорится о том, что обнаруженная в золотом сундуке девушка родила сына, появившегося от луча солнца, по этой причине «Шаба соқыр туркмен и Домбауыл мерген» его назвали Чингис. Вышедшая замуж за Домбауыла принцесса родила трех сыновей, с интервалом в шесть месяцев «когда она стала собственной женой мергена, то она рожала через шесть месяцев ребенка, через шесть месяцев еще ребенка и т.д. Их назвали Боденетай, Бургелтай и Жоргемтай. Но когда мальчики выросли, то получилось, что эти трое играли отдельно, а Чингис сам по себе. Мать же их, принцесса, посмотрев на это, якобы говорила: Кто следует за лосем, играет в чистой земле, а кто следует за свиньей, валяется в грязи /«Бұланға ерген таза жерге аунап ойнайды, Доңызға ерген балшыққа аунап ойнайды!/>».

Что касается истории прихода к власти Чингиса, то эти события в казахских легендах довольно сильно отличаются от многих других исторических сочинений этого периода, а также от сюжета «Сокровенного сказания монголов». Вероятно, что в древний пласт легендарной истории киятов в период Чингисхана и его потомков были внесены некоторые изменения. В «Сокровенном сказании монголов» не объясняется причина появления названия династии Чингисхана киятами, тогда как в казахской легенде имеется подробное объяснение – «от слова «кия ат» получило прозвище «Қият», и его потомки выросли в числе, стали многочисленным элем...». Как мы уже отмечали выше, кияты, представленные в древнеказахском мифе в качестве потомков Домбауыл-батыра, не что иное, как хионы, хоны из древних письменных текстов. Историю этой династии мы связываем с авестийскими хионами (хон, хиюн), которые обитали в степях Евразии в эпоху бронзы.

В качестве доказательной базы нам хотелось бы еще раз вернуться к значению слова «киян», которое указывает на степные просторы («киян дала», «ит арқасы киянда»). Во-вторых, мы хотели обратить внимание также на выражение из устной традиции казахов, как «Домбауылдың елден кетуі» (то есть «уход Домбауыла из страны»). Например, в тексте «Шыңғыс-намедегі Шыңғыс-хан туралы әңгіме» (Рассказ о Чингис хане в «Чингис-наме»), записанный Г.Н. Потаниным от младшего брата Ш.Валиханова Махмуда, есть следующий текст, где говорится об изгнании «По той же реке внизу жил царевич Домбаул-мерген, изгнанный из своего царства; при нем был товарищ Шяба-сокур (вар. Шва-сокур), который мог видеть на сороковерстном расстоянии» (2005: 304).

Эти же сведения с небольшими корректировками, а также опираясь на записи Г.Н. Потанина, повторяет и академик А.Х.Маргулан «В низовьях той реки обитал Домбауыл мерген, изгнанный со своей родины, рядом с ним был герой – ер? Дуа-соқыр (По утверждению Махмуда его звали Шаба-соқыр)» (1985: 141). В обоих случаях материалы устной традиции казахов связывают возникновение рода кият с обращением Дува сохура (Шаба) к Домбауыл-мергену словами «кия ат».

В вышеизложенной легенде «Алтын бел хан», в отношении Чингисхана, представителя рода кият, встречается такое понятие «Садағын сағымға ілу», то есть «Повесить свой лук на мираж». Это понятие нередко встречается в эпических поэмах и преданиях казахов как признак сакральности правящей элиты. Генеалогия Борджигин, начиная от Борте Чино до Джучи-хана, насчитывает двадцать три поколения. Если же сделать расчет, исходя из 25 лет каждому поколению, то мы

получаем примерно пятьсот лет от легендарного Борте Чино до реального Джучи-хана. Этот простой подсчет поколений показывает нам время образования Тюркского каганата, то есть VI-VII века. Исходя из чего мы можем предположить, что именно в это время, когда происходило образование государства и формирование его структуры, генеалогия киятов-борджигинов претерпела идеологическую редакцию.

Таким образом, киян//кыят (*англ.* xionites, *авест.* х'іаона; *пехл.* хуōн/хуōн; *согд.* Хwn) является народом, обитавшим на территории казахской степи с эпохи бронзы. В историографии нет устоявшейся традиции, иногда их относят к гуннам, иногда к тюркам, но следует знать, что кияты под названием х'іаона (хьяон) встречаются и в священных текстах «Авеста». Известный канадский лингвист Э.Дж.Пуллблэнк относил хионов к группе сюнну (По Н.Я.Бичурину – хунну, в Европе – гунны – Ж.А.) (1986: 29–71).

Последняя гипотеза созвучна с теорией российского тюрколога К.А.Иностранцева о близости хионов к эфталитам. Л.Н. Гумилев, который также писал на эту тему, рассматривал хионов в контексте истории гуннов (2007: 323). Эти предположения еще раз показывают нам актуальность хионитской темы, которая, на наш взгляд, появилась, безусловно, в эпоху бронзы, но на исторической арене их активность приходится на гуннский период. С другой стороны, попытки Э.Дж.Пуллблэнка, К.А.Иностранцева, Л.Н.Гумилева и других связать хионов с гуннами, возможно, продиктованы тем, что авестийские тексты были зафиксированы только в Сасанидское время.

Доказательством древности хионитов, восходящих ко II тысячелетию до н.э., когда они жили вместе с арианами и турами, кроме Авесты, могли бы нам помочь тексты казахских исторических преданий. Одним из таких доказательств может служить присутствие Домбауыла в цикле легенд об Алаша-хане. Мы связываем происхождение понятия «алаша» с раннеконеводческим периодом истории Великой степи: «Единственный сын Алаша-хана Жошы в семилетнем возрасте отправился на охоту. Сопровождал его Домбауыл-батыр из рода Кыпшак (В другом варианте – Торгауыт и т.д.-Ж.А.). В безлюдной степи они увидели тысячный табун куланов. Мальчик стал просить батыра застрелить кулана. Домбауыл же отговаривался тем, что среди большой группы куланов могут встретиться священные животные, а это может навлечь большие неприятности. Но маленький сын хана настаивал. Поддавшись на его уговоры, Домбауыл отправился в табун. Выстрел напугал куланов, и они пошли на мальчика, увлекая его коней. Кони и мальчик исчезли в тучах пыли. От них ничего не осталось. Хан и его люди, не дождавшись Жошы с охоты, сильно обеспокоились. И только великий Кетбуга играл на домбре печальный кюй, который передавал случившееся: «Алаша-хан, после выстрела пошли лавиной куланы, и оказался на их пути Жошы, под копытами куланов остался, свершилась воля Всевышнего». Алаша-хан сидел рядом с Кетбугой: Э, Кетбуга, слышу скорбную мелодию твоей домбры. Она говорит, что умер мой сын. Я потерял сына, случилось непоправимое.

В гневе хан распорядился, чтобы к маткам не допускали жеребят, верблюжат, телят: «Пусть они также скорбят, как и я». Это было время, когда самки куланов приносят жеребят. Казахи называют кулан шуы. Впоследствии хан собрал

свой народ и отдал приказ выкопать ров и уничтожить всех куланов. На месте того рва появилась река, которая сегодня называется «Кулан-отпес». Домбауыл-батыр преследовал куланов до реки Чу. В этой бойне выжили только пять куланов, переправившихся вброд через реку. Брод с того времени называется «Бес Кулан» (Артыкбаев, 2017: 265–295).

Топонимы, связанные с именем Домбауыла, также указывают на более ранние периоды истории, нежели эпоха Чингисхана. Как известно, в Улытау сосредоточены наиболее сакральные памятники Великой степи, а восточнее Улытау, в низовьях Тургая и Иргиза, существовало озеро Аксакал Барбы (Су аяғы Құрдым, Шалқар теңіз, Аксакал тауип), название которого указывает на схожесть с легендарным Ворукаша. Одним из интересных штрихов вышеприведенного текста является туркменское происхождение Дува (Дуа, Шаба) соқыра, который в одном случае называется братом, а в другом караульным Домбауыла. Они являются общими героями в мифологических сюжетах тюрков и монголов, в то же время туркменский сюжет указывает на происхождение Дувы от протогузского начала, то есть эта линия восходит к турам «Авесты». Здесь присутствует один интересный и примечательный момент, дело в том, что в «Сокровенном сказании монголов» дана полная генеалогия Домбуыла, а в тюркских легендарных текстах таковая отсутствует. Возможно, это следствие того, что кияты переселились на юг и на восток еще до распада общетюркского единства и выделения из него монголов.

Следующий момент касается архитектурного памятника на территории Центрального Казахстана, известного как «Домбауыл дыңы». Понятно, что это каменное циклопическое сооружение не строилось во II тыс. до н.э. Вероятно, оно построено в эпоху гуннов. Косвенным доказательством также служит курган с усами, который расположен рядом с сооружением Домбауыл дыңы. В связи с анализом мифологических текстов и результатами интерпретации мы могли бы выдвинуть гипотезу о том, что сооружение было построено на месте культового центра – святилища древности. В той или иной степени Домбауыл дыңы соответствует параметрам культового сооружения тенгрианства, где поклонялись культу предков.

Таким образом, в великих переселениях II тыс до н.э. одна часть киянов вместе с арианами направляется на юг Азии, а другая оседает на территории Восточного Туркестана. В первом случае их политические привилегии, отраженные в титулатуре, а также генеалогическое единство сохранились в виде названия мощной династии «кей/кеянидов» у иранских племен (Кей-Қысрау, Кей-Қуат т.б.). Сюжет «Домбауылдың елден қуылғаны»/Изгнание Домбауыл из своего зяля/, встречающийся в казахских исторических преданиях, вероятно, связан с переселением киянов в восточные районы Центральной Азии. Именно их общины стали во главе консолидации восточных гуннов, а в последующем участвовали в формировании гуннской империи. Домбауыл-мерген является одним из действующих героев эпохи раннего этапа Великого переселения. В последующем та ветвь киятов-борджигинов, которая осталась в составе монголов, вывела на свет такого великолепного героя, как Чингисхан. С этого времени ход истории более проясняется благодаря большому количеству письменных источников, которые позволяют освещать средневековую историю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, входящие в комплекс устной традиции казахского народа, очень богаты. Если использовать их вкупе с фольклорным наследием других тюрко-монгольских народов, с памятниками письменной культуры Востока, то мы могли бы ответить на многие загадочные вопросы древней истории. По этой причине с целью воссоздания исторического портрета легендарной личности мы взялись за интерпретацию мифологических сюжетов о Домбауыл-мергене. Это ярчайший образ в прекрасном историко-фольклорном наследии казахского народа, так и других народов Центральной Азии.

Исходя из того, что Домбауыл и ему подобные герои древнего мира сохранились в устной традиции, и в особенности в мифах, мы можем предположить, что эта личность представляет героя дописьменного периода истории. Одним из показателей этого является поливариантность имени Домбауыла в тюрко-монгольской устной традиции – Домрул, Добун-Баян, Дүйін-Баян, Добу мерген, Токтауыл. В этой связи нас заинтересовали также материалы исторического прошлого киятов (каз. киян, англ. xionites, авест. х'ііаона; пехл. хуōн/хуōп; согд. Хwn). «Қият» – множественное число от «киян», о чем говорится в шежире Абулгази-бахадур-хана. В казахском шежире Домбауыл-мерген представлен как родоначальник киятов. Қияны в тексте «Авесты» обозначаются как «хиюн», в древних письменных источниках Востока (Византия, Армения и т.д.) их связывают с белыми гуннами и называют «эфталитами».

Литература

- Артыкбаев, Ж.О. (2017). *Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий*. Астана-Москва: Центрально-Азиатское книжное издательство.
- Бертельс, Е.Э. (1960). *Избранные труды. Том 1. История персидско-таджикской литературы*. М.: Издательство восточной литературы.
- Мифологический словарь* (1991). Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: «Советская Энциклопедия».
- Валиханов, Ч.Ч. (1985). Записки о киргизах. *Собрание сочинений* в 5 томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 7–82.
- Гумилев, Л.Н. (2007). *Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации*. М.: АСТ.
- Короглы, Х.Г. (1983). *Взаимосвязи народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана*. М.: Наука.
- Потанин, Г. Н. (2005). *Избранные сочинения*: в 3 т. Павлодар: ЭКО.
- Пуллиблэнк, Э. Дж. (1986). Язык сюнну. *Зарубежная тюркология*, 1, 29–70.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г.* (1990). Элиста, Калм. кн. изд-во.
- Әбілғазы (1993). *Түрік шежіресі*. Алматы.
- Ел қазынасы – ескі сөз: В.В. Радлов жинаған қазақ фольклорының үлгілері* (1994). Алматы: Ғылым.
- Көпейұлы, М.-Ж. (2013). *Шығармалары*. 1-20 тт. Павлодар.
- Қинаятұлы, З. (2004). *Қазақ мемлекеті және Жошы хан*. Астана.

- «Қорқыт ата» (1999). Энциклопедиялық жинақ. Алматы.
 Маргулан, Ә.Х. (1985). *Ежелгі жыр, аңыздар*. Алматы.
 Моңғолдың құпия шежіресі (1979). Баян Өлгий.
 Сәтбаев, Қ. (1999). *Қазақстан-менің отаным*. Алматы.
 Ясаши, И. (1992). *Көкжал (Шыңғыс хан туралы)*. Алматы.

References

- Artykbaev, Zh.O. (2017). *Nomads of Eurasia in a kaleidoscope of centuries and millennia*. Astana-Moscow: Central Asian Book Publishing House. (in Russian).
- Bertels, E.E. (1960). *Selected Works. Volume I. History of Persian-Tajik literature*. Moscow: Eastern Literature Publishing House. (in Russian).
- Mythological Dictionary* (1991). Ch. ed. E.A. Meletinsky. M.: "Soviet Encyclopedia". (in Russian).
- Valikhanov, Ch. Ch. (1985). *Notes about the Kirghiz. Collected works in 5 volumes. Vol. 2*. Alma-Ata: Main edition of the Kazakh Soviet encyclopedia, 7–82. (in Russian).
- Gumilev, L.N. (2007). *Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations*. M.: AST. (in Russian).
- Korogly, H.G. (1983). *The relationship of the peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan*. M.: Science. (in Russian).
- Potanin, G.N. (2005). *Selected works: in 3 volumes*. Pavlodar: ECO. (in Russian).
- Pulliblanck, E.J. (1986). Xiongnu language. *Foreign Turkology*, 1, 29–70. (in Russian).
- The Secret Legend of the Mongols: Anonymous Mongolian Chronicle 1240* (1990). Elista: Kalmyk Book Publishing House. (in Russian).
- Abilhazy (1993). *Turkish chronicles*. Almaty. (in Kazakh).
- The country's treasure is an old word: Samples of Kazakh folklore collected by V.V. Radlov* (1994). Almaty: Science. (in Kazakh).
- Kopeyev, M.-Zh. (2013). *Works*. 1-20 vols. Pavlodar. (in Kazakh).
- Kinayatuly, Z. (2004). *The Kazakh state and Jochi khan*. Astana. (in Kazakh).
- Korkyt Ata (1999). *Encyclopedic collection*. Almaty. (in Kazakh).
- Margulan, A.H. (1985). *Ancient songs, legends*. Almaty. (in Kazakh).
- The Secret Chronicle of the Mongols* (1979). Bayan Өлгий. (in Kazakh).
- Satpayev, K. (1999). *Kazakhstan is my homeland*. Almaty. (in Kazakh).
- Yasashi, I. (1992). *Kokzhal (about Genghis Khan)*. Almaty. (in Kazakh).